

СИСТЕМА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье раскрывается история становления системы следственных действий в России, выделены необходимые этапы возникновения новых познавательных приемов в расследовании, дана авторская трактовка системы следственных действий по УПК РФ 2001 года, указывается на перспективы развития этой системы благодаря достижениям научно-технического прогресса.

Все следственные действия в современном уголовном процессе России объединены в систему, которая постоянно пополнялась новыми познавательными приемами по мере совершенствования уголовно-процессуального законодательства, отражая потребности государства, возникающие на различных этапах его развития, в деле борьбы с преступностью.

Обращение к истокам уголовного процесса России свидетельствует, что первоначально это не был собственно процесс, а лишь средство поимки и наказания лихих людей. Лишь в XVII веке судья становится активным участником процесса, а средствами доказывания являются поличное (когда краденая вещь обнаружена у заподозренного), повальный обыск, т. е. поголовный опрос большего или меньшего числа местных людей, и, наконец, собственное признание и тесно связанная с ним пытка. В 1716 году в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб», которое являлось приложением к «Воинскому уставу», впервые вводится производство, называемое сейчас экспертизой. В рамках этого производства предписывалось «определять лекарей, которые бы тело мертвое взрезали и подлинно розыскали, какая причина смерти была»¹.

По Своду законов Российской империи 1832 года собрание и запись в установленном порядке всех доказательств по делу осуществлялись путем производства допросов, осмотров, экспертиз, обысков и выемок в ходе предварительного и формального следствия².

Системный подход к институту следственных действий как упорядоченному, внутренне согласованному и взаимообусловленному комплексу процессуальных действий, направленных на собрание доказательств, был применен в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года. Все следственные действия компактно размещены во втором разделе Устава «О предварительном следствии», в нескольких его главах

– четвертой, пятой и седьмой. Процессуальная регламентация следственных действий была дана в логической последовательности, отражающей типичный ход предварительного расследования по уголовному делу – осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, допрос обвиняемого, свидетеля. К сожалению, законодатель того времени не устанавливал компактного и исчерпывающего перечня следственных действий. Этот недостаток, как отмечается в литературе³, стал «хроническим» для последующих российских уголовно-процессуальных кодексов, что приводило и приводит в настоящее время к затяжным дискуссиям ученых по этому вопросу и в определенной степени дезориентирует практику.

Октябрьская революция 1917 года упразднила прежний порядок уголовного судопроизводства. Декретом о суде, принятым 22 ноября (5 декабря) 1917 года, расследование преступлений было возложено на местных судей. Для производства предварительного следствия по делам, подсудным революционным трибуналам, при губернских и городских советах создавались особые следственные комиссии. В соответствии с «Положением о народном суде РСФСР» 1920 года производство предварительного следствия возлагалось на народных следователей. Милиция в предварительном расследовании отводилась в то время вспомогательная по отношению к предварительному следствию роль.

Предпринимались попытки упорядочить производство отдельных следственных действий. Так, например, производство обысков регламентировалось приказом Начальника милиции РСФСР от 16 марта 1921 года №24 «О правилах производства обыска». В пункте 1 названного приказа указывалось, что обыск есть вторжение в наиболее скрытую сферу частной жизни граждан и поэтому должен производиться лишь в случае крайней необходимос-

ти. К таким случаям были отнесены подозрение обыскиваемого в совершении преступления, предположение соответствующего органа власти, а также основательно проверенное устное или письменное заявление стороны. Поводом к обыску служило вполне основательное подозрение в том, что в местах, которые должны быть обысканы, скрываются: а) необходимые для дела вещественные доказательства; б) разыскиваемый преступник. Обыск производился по общему правилу днем (если ночью, то в протоколе должна быть указана причина) и только по ордеру, выданному начальником уголовно-розыскного учреждения. В приказе также разъяснялось, как именно должен действовать «агент» в той или иной ситуации (например, если дверь помещения закрыта, обыскиваемый выдает себя за другое лицо). Тут же пояснялось, что руководящий обыском агент не должен принимать участия в обыске, он только наблюдает⁴.

Первый уголовно-процессуальный кодекс советской России был принят постановлением III сессии ВЦИК от 25 мая 1922 года и введен в действие с 1 июля 1922 года. Не прошло и года, как ВЦИК своим постановлением от 15 февраля 1923 года утверждает новый уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, который стал очередной вехой в развитии системы следственных действий. Здесь была дана процессуальная регламентация назначения и производства экспертизы, в том числе комиссионной и повторной (ст. 169). В то же время законодатель необоснованно относил к числу следственных действий, предназначенных для собирания доказательств, предъявление обвинения и составление обвинительного заключения (ст. 109). В ст. 195 предписывалось, что протоколы вскрытия и освидетельствования составляются врачом и подписываются лицом, производившим указанные следственные действия. Кроме того, вопреки логике расследования очередность следственных действий была дана в тексте закона в следующей последовательности: предъявление обвинения и допрос обвиняемого, допрос свидетелей и экспертов, обыск и выемка, осмотр и освидетельствование.

Наряду с этим следователь получил право не производить предварительное следствие либо ограничиваться производством отдельных следственных действий. На практике это при-

водило к тому, что следователь фактически отстранялся от производства большинства следственных действий и по существу выступал как оформитель результатов деятельности оперативных служб при очевидном доминировании оперативно-розыскной деятельности над деятельностью уголовно-процессуальной.

Существенные изменения в системе следственных действий произошли в связи с принятием УПК РСФСР 1960 года. Прежде всего законодатель обязал следователя производить предварительное расследование в полном объеме. Кроме того, был расширен перечень следственных действий за счет очной ставки, предъявления для опознания, следственного эксперимента. Вместе с тем в законе по-прежнему отсутствовал четкий и исчерпывающий перечень следственных действий. Это послужило основанием для некоторых авторов расширительно трактовать сущность того или иного процессуального действия, относя его к числу следственных. Наиболее острые дискуссии велись по поводу отнесения к числу следственных действий таких процессуальных действий, как задержание, наложение ареста на имущество, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, получение образцов для сравнительного исследования, прослушивание телефонных и иных переговоров. Ряд авторов активно выступали за необходимость включения в число следственных действий проверки показаний на месте⁵.

Именно в период научных споров о необходимости законодательной регламентации такого следственного действия, как проверка показаний на месте, С.А. Шейфер обосновал четыре этапа в процессе становления новых средств собирания доказательств, а именно:

а) обнаружение потребности практики в новом познавательном приеме;

б) осуществление этого приема в рамках предусмотренных действующим законом процессуальных действий;

в) теоретическое обобщение практики, определение целесообразности нормативной регламентации нового приема;

г) легализация приема – дополнение закона правилами о новом следственном действии⁶.

В современном уголовном судопроизводстве указанные этапы требуют своего переосмысления. Обусловлено это тем, что допусти-

мым считается лишь то доказательство, которое получено из одного из источников, указанных в законе (ч. 2 ст. 74 УПК). Никакие сведения, полученные из иного источника, не могут считаться доказательствами в силу их недопустимости.

В нашем понимании возникновение новых познавательных приемов должно включать три этапа:

а) обнаружение потребности практики в новых познавательных приемах;

б) установление соответствия этих новых процессуальных форм требованиям закона, морали и социальным закономерностям общественного развития;

в) законодательное закрепление новых познавательных приемов в системе процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств.

После принятия УПК РФ 2001 года дискуссионные вопросы, касающиеся системы следственных действий, не утратили своей актуальности. Если обратиться к изданной в последние годы научной и учебной литературе по уголовному процессу, то легко обнаружить расхождения, как по количеству, так и по видам следственных действий, включаемых авторами в их систему. Причина этому – отсутствие в законе указания на исчерпывающий перечень следственных действий. Именно пробел в законе о системе следственных действий дает возможность для самостоятельного изложения их перечня каждым исследователем этого вопроса.

В нашем понимании система следственных действий по российскому уголовно – процессуальному законодательству включает в себя следующие виды:

1. Осмотр (ст. 176–178, 180).
2. Освидетельствование (ст. 179, 180).
3. Следственный эксперимент (ст. 181).
4. Обыск (ст. 182, 184).
5. Выемка (ст. 183).
6. Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления (ст. 185).
7. Контроль и запись переговоров (ст. 186).
8. Допрос (ст. 187–191).
9. Очная ставка (ст. 192).
10. Предъявление для опознания (ст. 193).
11. Проверка показаний (ст. 194).
12. Производство судебной экспертизы (ст. 195–207).

Приведенный перечень следственных действий свидетельствует о расширении их системы по сравнению с УПК РСФСР 1960 года за счет проверки показаний на месте, контроля и записи переговоров. В науке уголовного процесса России уже достаточно давно сформировалось единство мнения ученых о необходимости использования в доказывании этих новых доказательственных средств, т. к. современные условия борьбы с преступностью настоятельно требовали развития системы следственных действий. Поэтому законодательная регламентация проверки показаний на месте, контроля и записи переговоров была вполне ожидаема, хотя некоторые ученые (например, С. А. Шейфер) высказывались против включения в систему следственных действий контроля и записи переговоров.

Появление новых следственных действий требует исследования их сущности, а также проблемных вопросов применения в практике расследования уголовных дел, однако в рамках научной статьи это сделать невозможно.

Учитывая, что некоторые дискуссионные вопросы, касающиеся системы следственных действий, не утратили своей актуальности и после принятия УПК РФ 2001 года, рассмотрим их с учетом тех изменений, которые были внесены в эту систему указанным законодательным актом.

Прежде всего законодатель совершенно правильно отказался от двойственного понимания правовой природы задержания подозреваемого, когда по УПК РСФСР 1960 года это процессуальное действие рассматривалось одновременно как мера принуждения и как неотложное следственное действие. В п. 11 ст. 5 УПК РФ задержание подозреваемого теперь однозначно определяется как мера процессуального принуждения. Его целью является кратковременная изоляция лица, подозреваемого в совершении преступления, для нейтрализации вероятного противодействия расследованию. Цель же следственных действий – установление фактических обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В связи с этим автор не разделяет мнение профессора С.А. Шейфера, который считает, что для достижения познавательной цели может быть пригодно задержание подозреваемого⁷. Дело в том, что основания, время и место

задержания, указываемые в протоколе задержания, самостоятельного доказательственного значения не имеют и используются при принятии решения о применении этой меры принуждения уже в готовом виде, из материалов уголовного дела (например, показания очевидцев).

В то же время заслуживает поддержки предложение С.А. Шейфера о том, что не могут признаваться самостоятельными следственными действиями наложение ареста на имущество, эксгумация трупа, судебно-медицинское освидетельствование, так называемая «добровольная выдача»⁸.

Неубедительным представляется мнение В.В. Кальницкого, рассматривающего личный обыск в качестве самостоятельного следственного действия, поскольку его проведение связано с ограничением конституционных прав граждан на личную неприкосновенность⁹. Если следовать логике автора, то тогда и обыск, выемка в жилище также необходимо рассматривать как самостоятельные следственные действия.

В системе следственных действий законодатель выделяет не только самостоятельные их виды, но и группы следственных действий. И здесь прежде всего необходимо отметить классификацию следственных действий в зависимости от содержания, используемых методов познания и значимости объединяющих связей на относительно обособленные четыре группы:

- 1) осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент (гл. 24 УПК);
- 2) обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров (гл. 25 УПК);
- 3) допрос, очная ставка, опознание, проверка показаний (гл. 26 УПК);
- 4) производство судебной экспертизы (гл. 27 УПК).

Объединение следственных действий в первую из указанных групп обусловлено характерным для их сущности и назначения методом наблюдения, используемым для получения сведений об устанавливаемых по уголовному делу обстоятельствах.

Для следственных действий второй группы характерна отчетливо выраженная направленность на изъятие носителей сведений и собственно самих сведений об имеющих значение для уголовного дела обстоятельствах. Причем

это происходит независимо от воли лица, интересы которого могут быть существенно затронуты производством указанных следственных действий. Именно поэтому обыск и выемка в жилище, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров могут производиться по решению суда, что в свою очередь способствует их сближению и закреплению в законе в виде отдельного формирования.

В основе объединения следственных действий третьей группы лежит метод расспроса как наиболее распространенный способ получения вербальной, т. е. словесной, информации. Свидетели, потерпевшие и иные лица на допросе, очной ставке, предъявлении для опознания, проверке показаний на месте, несмотря на существующие различия между названными следственными действиями, дают показания.

Производство судебной экспертизы фактически представляет собой целый комплекс познавательных, организационных и удостоверительных процессуальных действий, включающий в себя, в частности, такое относительно самостоятельное познавательное действие, как получение образцов для сравнительного исследования, по своей характеристике и значению способное претендовать на признание его в качестве самостоятельного следственного действия.

В тексте уголовно-процессуального закона находим и другие группы следственных действий, имеющие свое собственное наименование: обязательные, повторные, дополнительные, отдельные и неотложные, но это уже самостоятельная тема исследования.

Подводя итог, считаю необходимым отметить, что по мере совершенствования уголовно-процессуального законодательства России будет развиваться и система следственных действий за счет познавательных приемов, основанных на достижениях научно-технического прогресса.

Так, несмотря на определенную новизну следственного действия – контроля и записи переговоров, получение сведений при его производстве, имеющих отношение к расследуемому уголовному делу, осуществляется путем документирования телефонных и других устных переговоров. Все иные сведения, передаваемые с помощью пейджинговых сообщений, электрон-

ной почтой, в сети Интернет, в результате межкомпьютерного обмена, использования цифровых каналов связи, не воспринимаются человеком на слух. В результате следователь вынужден, как и прежде, поручать оперативным службам получение необходимых сведений, но в рамках оперативно-розыскной деятельности. Решение этой проблемы возможно путем расширения рамок контроля и записи переговоров за счет включения в объект контроля не только устной

речи, но и иных сообщений, продуцируемых и представляемых человеком посредством единой сети электросвязи, что существенно расширит процессуальные возможности следователя по получению сведений, имеющих значение по уголовному делу. В этом случае правильнее будет считать это следственное действие уже не контролем и записью переговоров, а электронным наблюдением, что потребует соответствующей процессуальной регламентации.

Список использованной литературы:

1. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерк по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равена, Альфа, 1995. - С. 712.
2. См: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства в 2 томах. Т.1. СПб.: Альфа, 1996. – С. 34.
3. Трухачев В.В., Барсукова Т.В. Возникновение и развитие системы следственных действий // Комплексные меры - ключевой фактор стабилизации производства и решения социальных проблем. Часть II. Изд-во «Истоки». Воронеж, 2003. С. 37.
4. Гирько С.И. Функции милиции в досудебном производстве и хронология их формирования // Российский следователь, 2004, № 3. – С. 4.
5. См., например, Хлынцов М.Н. Проверка показаний на месте. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1971; Быховский И.Е., Корниенко Н.А. Проверка показаний на месте. Л., 1987; Розенталь М.Я. Проверка показаний на месте с использованием звуко- и видеозаписи. М., 1994 и др.
6. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М.: ВЮЗИ, 1972. - С. 97-106.
7. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: ООО Изд-во «Юрлитинформ», 2001. – С. 63-64.
8. Шейфер С.А. Там же. – С. 56-62.
9. Кальницкий В.В. Следственные действия. Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Омск: Омская академия МВД России, 2003. – С. 6.